

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.1.4>

UDC 94(47)
LBC 63.3

Submitted: 29.11.2020
Accepted: 15.02.2021

THE PENITENTIARY JUSTICE OF THE USSR: PECULIARITIES OF FUNCTIONING IN 1944–1956

Denis N. Shkarevsky

Surgut State University, Surgut, Russian Federation

Abstract. Introduction. The activities of the penitentiary justice bodies in the USSR remain practically unexplored. Meanwhile, they were an important element of the mechanism of the Soviet state. The purpose of this article is to highlight the stages and determine the model of functioning of the penitentiary justice bodies. *Methods and materials.* The source base included unpublished documents stored in the funds of the Ministry of Justice, the Prosecutor's Office, the Supreme Court of the USSR and the State Archives of the Russian Federation. The fund of the Penitentiary Court of Chelyabinsk region, which is stored in the United State Archives of Chelyabinsk region, was also used in the study. When writing the article, the following methods were used: historical-genetic, archival-heuristic, source study, method of classification, method of historical description. *Analysis.* During 1946–1956 more than 200,000 people have been convicted by the penitentiary courts. The bulk of the cases (60%) were: cases of escape, refusal to work and self-harm, theft of state and public property, banditry, theft of personal property, hooliganism, robbery and plunder, and premeditated murder. The remaining 40% of cases were formed by the so-called "other" crimes. These included cases of counter-revolutionary crimes, crimes of security officers (military crimes), labor crimes, etc. During 1944–1956 among those convicted by penitentiary courts, there was a significant decrease in the proportion of prison staff and a systematic increase in the proportion of prisoners. Until the early 1950s formal performance indicators of penitentiary courts were lower than those of the people's, regional, line courts and military tribunals. Penitentiary justice was dependent on the leadership of the penitentiary institutions. When considering cases, "simplification" was allowed: cases were considered in batches, in absentia. *Results.* Three stages of activity of bodies of penitentiary justice are highlighted: 1945–1947; 1948–1950; 1951–1954/1956. The model of activity of the penitentiary justice can be defined as "campanian justice".

Key words: soviet justice, special justice, penitentiary justice, penitentiary courts, crime in penitentiary institutions.

Citation. Shkarevsky D.N. The Penitentiary Justice of the USSR: Peculiarities of Functioning in 1944–1956. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2022, vol. 27, no. 1, pp. 46-56. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.1.4>

УДК 94(47)
ББК 63.3

Дата поступления статьи: 29.11.2020
Дата принятия статьи: 15.02.2021

ОРГАНЫ ПЕНИТЕНЦИАРНОЙ ЮСТИЦИИ СССР: ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ В 1944–1956 ГОДАХ

Денис Николаевич Шкаревский

Сургутский государственный университет, г. Сургут, Российская Федерация

Аннотация. Введение. Деятельность органов пенитенциарной юстиции в СССР остается практически не изученной. Между тем они являлись важным элементом механизма Советского государства. Цель данной статьи состоит в том, чтобы выделить этапы и определить модель функционирования органов пенитенциарной юстиции. *Методы и материалы.* Источниковой базой послужили неопубликованные документы, хранящиеся в фондах Министерства юстиции, Прокуратуры, Верховного Суда СССР, Государственного архива Российской Федерации. Также был использован фонд лагерного суда ИТЛ Челябинской области, находящийся-

ся на хранении в Объединенном государственном архиве Челябинской области. При написании статьи были использованы такие методы, как: историко-генетический, архивно-эвристический, источниковедческий, метод классификации, исторического описания. *Анализ.* В течение 1946–1956 гг. пенитенциарными судами было осуждено более 200 000 человек. Основную массу дел (60 %) составляли: дела о побегах, отказах от работы и членовредительстве, хищениях государственного и общественного имущества, бандитизме, кражах личного имущества, хулиганстве, разбое и грабеже, умышленных убийствах. Остальные 40 % дел образовали так называемые «прочие» преступления. К ним относились дела о контрреволюционных преступлениях, преступления сотрудников ВОХР (или воинские преступления), трудовые преступления и др. В течение 1944–1956 гг. среди осужденных лагерными судами наблюдалось значительное сокращение доли сотрудников лагерей и систематическое увеличение доли заключенных. Вплоть до начала 1950-х гг. формальные показатели деятельности лагерных судов были ниже аналогичных показателей работы народных, областных, линейных судов и военных трибуналов. Органы лагерной юстиции находились в зависимости от руководства лагерей. При рассмотрении дел допускалось «упрощенчество»: дела рассматривались пачками, заочно. *Результаты.* Выделены три этапа деятельности органов лагерной юстиции: 1945–1947 гг.; 1948–1950 гг.; 1951–1954 / 1956 годы. Модель деятельности органов лагерной юстиции можно определить как модель кампанейского правосудия.

Ключевые слова: советская юстиция, специальная юстиция, пенитенциарная (лагерная) юстиция, пенитенциарные суды, преступность в пенитенциарных учреждениях.

Цитирование. Шкаревский Д. Н. Органы пенитенциарной юстиции СССР: особенности функционирования в 1944–1956 годах // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2022. – Т. 27, № 1. – С. 46–56. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.1.4>

Введение. Органы пенитенциарной (лагерной) юстиции СССР относились к специальным и имели более высокий статус, чем народные суды. Их деятельность остается неизученной. Основная цель данной статьи состоит в том, чтобы выделить этапы и определить модель их функционирования.

Методы и материалы. По данной теме наберется небольшое количество публикаций. Среди них следует отметить работы Г.М. Ивановой [3] и А.Я. Кодинцева [4]. Зарубежные авторы, как правило, не упоминают о существовании лагерных (пенитенциарных) судов [14; 15; 16; 17]. Источниками для написания статьи послужили материалы центральных (Государственного архива РФ) и местных (Объединенного государственного архива Челябинской области) архивов.

При работе над статьей были использованы такие методы, как: историко-генетический, архивно-эвристический, источниковедческий, метод классификации, исторического описания.

Анализ. В течение 1944–1953 гг. в СССР действовало от 48 до 77 лагерных судов. После их ликвидации в 1954 г. при 39 отдаленных местах заключения до начала 1957 г. сохранялись постоянные сессии краевых, областных и верховных судов АССР.

Причины создания лагерных судов не вполне ясны. Известно, что И. Сталину регулярно докладывали о различных «безобразиях», творящихся в системе ГУЛАГа. Безуспешные попытки их пресечения предпринимались неоднократно в 1930-х годах. Имели место попытки наладить рассмотрение дел об уголовных преступлениях в местах заключения в административном, внесудебном, судебном порядке. В 1934–1944 гг. в лагерях действовали отделения, постоянные сессии краевых, областных, верховных судов республик со специально определенной компетенцией. Однако все эти мероприятия не изменили ситуацию кардинально, не привели к укреплению режима в местах заключения.

Почему именно в декабре 1944 г. И. Сталин поддержал идею НКВД (Л. Берия, В. Чернышев), Наркома юстиции (Н. Рычков) и Прокурора СССР (К. Горшенин) о создании специальных лагерных судов – до сих пор остается загадкой. Вновь организованная система имела высокий уровень секретности. Даже указ об учреждении лагерных судов до сих пор не опубликован, хотя он и не имел грифа секретности. Практически все делопроизводственные документы системы органов лагерной юстиции были засекречены. Это была система центрального подчинения, то есть

лагерные суды подчинялись напрямую соответствующей коллегии Верховного Суда СССР (Судебная коллегия по делам лагерных судов) и соответствующему Управлению Министерства юстиции СССР (Управление по делам лагерных судов). Материальное обеспечение сотрудников этих органов было более высоким, чем сотрудников народных судов. Оно находилось на уровне обеспечения сотрудников областных (краевых) судов и военных трибуналов. Применительно к сотрудникам системы лагерной юстиции вплоть до начала 1950-х гг. даже не использовался термин «судья». Их называли оперативными работниками (по аналогии с оперативными работниками трибуналов). Лагерные суды обслуживали специально выделенные из органов советской прокуратуры отделы по надзору за местами заключения, которые напрямую подчинялись соответствующему заместителю Прокурора СССР. Все это говорит о высоком статусе данных органов и большом значении, которое руководство страны им придавало.

В течение 1946–1956 гг. лагерными судами было осуждено 201 033 чел. (0,6 % от всего количества осужденных в СССР). Исходя из количества поступивших уголовных дел в лагерные суды представляется возможным выделить три основных периода их деятельности. Первый – 1945–1947 гг. – число уголовных дел увеличивается с около 5 000 в 1945 г. до более чем 25 000 в 1947 году. Второй период – 1948–1950 гг. – этап стабилиза-

ции, количество поступивших дел достаточно устойчиво и колеблется в пределах 22 780–24 342. Третий период – 1951–1954 / 1956 гг. – этап сужения компетенции лагсудов, уменьшения их количества и числа рассматриваемых ими дел с 16 795 в 1951 г. до 4 192 в 1954 г. / 5 604 в 1956 году.

Распределение уголовных дел, поступивших в лагерные суды по годам, приводится на рисунке 1.

Поступление дел в лагсуды было крайне неравномерным. Среднемесячная нагрузка на суд в одних случаях составляла 50–60 дел, а в других – 4–5 дел.

Качество работы этих органов вплоть до начала 1950-х гг. оценивалось руководящими органами как низкое. При этом Управление по делам лагерных судов Министерства юстиции (далее – УДЛС) аргументировано указывало на большое количество приговоров, отмененных или измененных Судебной коллегией по делам лагерных судов (далее – СКДЛС). Так, в 1945 г. было оставлено в силе лишь 66,9 % их приговоров, в 1948 г. – 69,9 %, в 1949 г. – 68,1 % [11, л. 36].

Резкое улучшение формальных качественных показателей рассмотрения дел наблюдается в 1951 году. Вероятно, это связано с кадровым обновлением судейского корпуса лагерных судов в результате избирательной кампании судей специальных судов (1948–1949 гг.). В 1950 г. было оставлено в силе 79,9 % приговоров, в 1951 г. – 91,6 %, в I квартале 1952 г. – 95,9 % [2, л. 63].

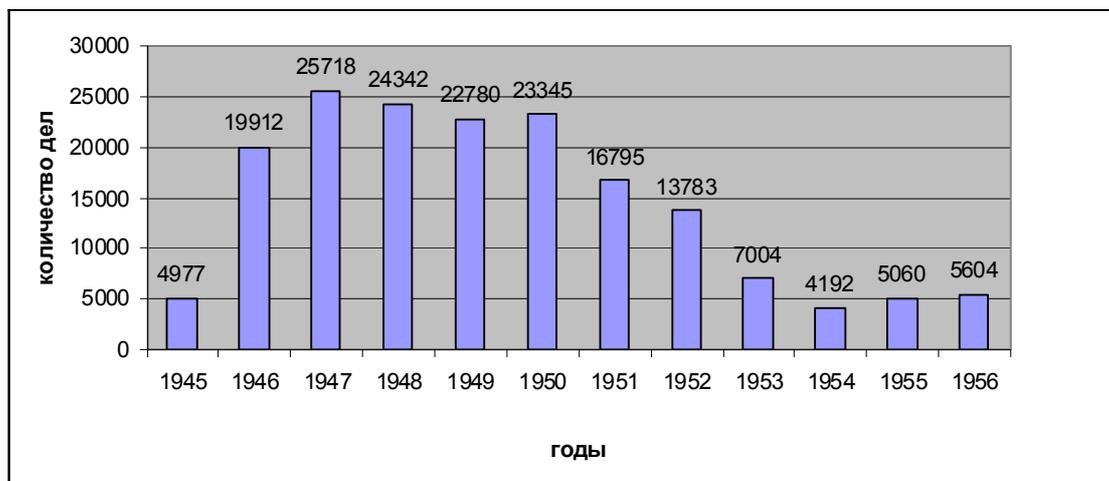

Рис. 1. Количество дел, поступивших в лагерные суды и постоянные сессии (1945–1956 гг.) [6, л. 54]

Fig. 1. Number of cases received by the penitentiary courts and permanent sessions (1945–1956)

Еще одним важным показателем, отражавшим качество деятельности работы судов, являлись сроки рассмотрения дел. По данному показателю лучшим для лагсудов был 1946 г.: 72 % дел было рассмотрено в срок до 10 дней, 23,5 % – в срок от 10 дней до 1 месяца и лишь 4,5 % – в срок свыше 1 месяца.

В дальнейшем сроки систематически увеличивались. Худшим по этому показателю был 1952 г.: лишь 42 % дел было рассмотрено в срок до 10 дней, 45,1 % – от 10 дней до 1 месяца, 12,9 % – в срок свыше 1 месяца.

В целом складывается впечатление, что проблема увеличения сроков рассмотрения дел в лагерных судах обсуждалась не столь активно, как в других органах специальной юстиции. Вероятно, связано это с объективными причинами, на которые указывали судьи: увеличение нагрузки, большие расстояния между лагерными подразделениями и транспортные трудности, несвоевременное укомплектование лагерных судов работниками, несвоевременное конвоирование требуемых лиц в судебные заседания, карантин в зонах и т. п. Таким образом, лагерные суды не выполнили одну из важнейших задач, которая ставилась перед ними руководством страны – быстрое, оперативное рассмотрение уголовных дел, возникающих в местах лишения свободы.

По составу среди осужденных в 1946–1956 гг. увеличивалась доля заключенных – с 64,6 до 88 %. Доля военнослужащих неуклонно снижалась с 29,3 % в 1946 г. до 9,3 % в 1954 г. и 3,1 % в 1956 году. Доля вольнонаемных не была стабильной, что явно говорит о проведении уголовно-правовых кампаний в отношении этих лиц. В течение 1946–1956 гг. их доля среди осужденных лагерными судами составляла от 6,1 до 18 % [5, л. 42].

Основными видами наказаний, выносимых лагерными судами, были: лишение свободы на различные сроки, исправительно-трудовые работы, смертная казнь.

Смертная казнь применялась пенитенциарными судами в 1946–1947 и в 1954–1956 годах. Общее количество казненных по приговорам лагсудов за эти годы составляло 1 044 чел., или 0,5 % от общего количества осужденных лагерными судами.

Динамика приговоренных к исправительно-трудовым работам (далее – ИТР) отражает систематическое ужесточение уголовно-правовой политики по отношению к осужденным этими судами лицам в 1946–1956 годах. Доля приговоренных к данному виду наказания снижается с 14,7 % в 1946 г. до 5,1 % в 1953 г. (в 1954–1956 гг. не применялось вовсе).

Основным видом наказания, применявшегося лагерными судами, являлось лишение свободы на различные сроки. Применение лишения свободы на срок свыше 10 лет непрерывно росло с 1946 г. по 1952 г. (с 0 до 18,7 %). Затем в 1953–1956 гг. наблюдается ее снижение с 16,1 до 5,8 %. Итак, до смерти И. Сталина наблюдалось непрерывное ужесточение в практике применения данного вида наказания, а после – резкое ее смягчение и ограничение в применении лагерными судами.

Широко применялось наказание в виде лишения свободы на срок 10 лет. Динамика его применения была разнонаправленной. Были периоды роста (ужесточения): 1946–1949 гг. (с 14,9 до 27,3 %), 1953 г. (27,9 %), стабильного применения: 1950–1952 гг. (22,3–24 %), снижения (смягчения): 1954–1955 гг. (16,7–14,1 %). Аналогичной является и динамика применения лишения свободы на срок 6–9 лет.

Применение лишения свободы на срок 5 лет не было значительным. Доля осужденных к этому виду наказания составляла от 6,9 до 12 %. Практика его назначения имеет четко выраженные периоды: 1946–1948 гг. – снижение применения (с 10 до 7,1 %), 1949–1953 гг. – рост (с 7,7 до 12 %), стабильное применение – 1954–1956 годы.

Массовым было использование лишения свободы на срок ниже 5 лет. В первые послевоенные годы (1946–1947 гг.) этот срок получало до половины всех осужденных лагерными судами. В дальнейшем (1948–1952 гг.) – около 30 %, а в 1954–1955 гг. – половина и более. Исключением стал 1953 г. – лишь 24,2 % были приговорены к этому виду наказания.

Итак, применение наказаний в лагсудах, особенно в 1946–1953 гг., имело ясно выраженный регулируемый характер. Достаточно четко выделяются периоды ужесточения и некоторого смягчения применяемых наказаний.

Примечательно, что такая ситуация соответствует периодам увеличения количества

оправданных лиц. Например, в 1946–1949 гг. наблюдалось увеличение их количества. В то же время режим проводил политику ужесточения применения наказаний в отношении осужденных – увеличивалось число привлеченных на срок 10 и более лет, 6–9 лет, снижалось число привлеченных на срок 5 и менее лет.

Таким образом, в 1946–1953 гг. смягчение уголовно-правовой политики в отношении лиц, привлекаемых к ответственности лагерными судами, было относительным. При смягчении в одном направлении (например, в отношении подсудимых) наблюдалась своего рода компенсация – ужесточение политики в отношении другой категории (например, осужденных). Реальное смягчение «карательной» политики наблюдалось лишь в 1953–1956 годах.

Распределение уголовных дел, рассмотренных лагерными судами в 1946–1956 гг., представлено на рисунке 2.

По делам о побегах, отказе от работы, членовредительстве (ст. 58-14 УК РСФСР) за 1946–1953 гг. было осуждено 32 859 чел.

(16,7 %) [6, л. 7]. В количественном плане выделяются 1947–1949 гг. (ежегодно привлекалось более 5,5 тыс. чел.). Это позволяет предположить, что в данный период была проведена уголовно-правовая кампания. До и после этого периода количество осужденных колебалось от 1 249 до 4 734.

Наибольшую подгруппу в этой группе преступлений составляли дела о побегах. Так, за 1948 – первый квартал 1949 г. из рассмотренных лагерными судами дел этой категории 1 833 дела составляли дела о побегах, 279 – за отказ от работы, 322 дел – членовредительство (самовредительство) [9, л. 48].

При назначении наказаний за эти преступления судьи опирались на совместную директиву Л. Берия, Н. Рычкова и В. Бочкова от 28 апреля 1941 г. о рассмотрении дел о побегах как одной из «наиболее злостных форм саботажа и дезорганизации лагерной жизни и производства». Этого распоряжения оперативные работники лагерных судов придерживались вплоть до конца 1940-х годов. В дальнейшем квалификация данных видов деяний была из-

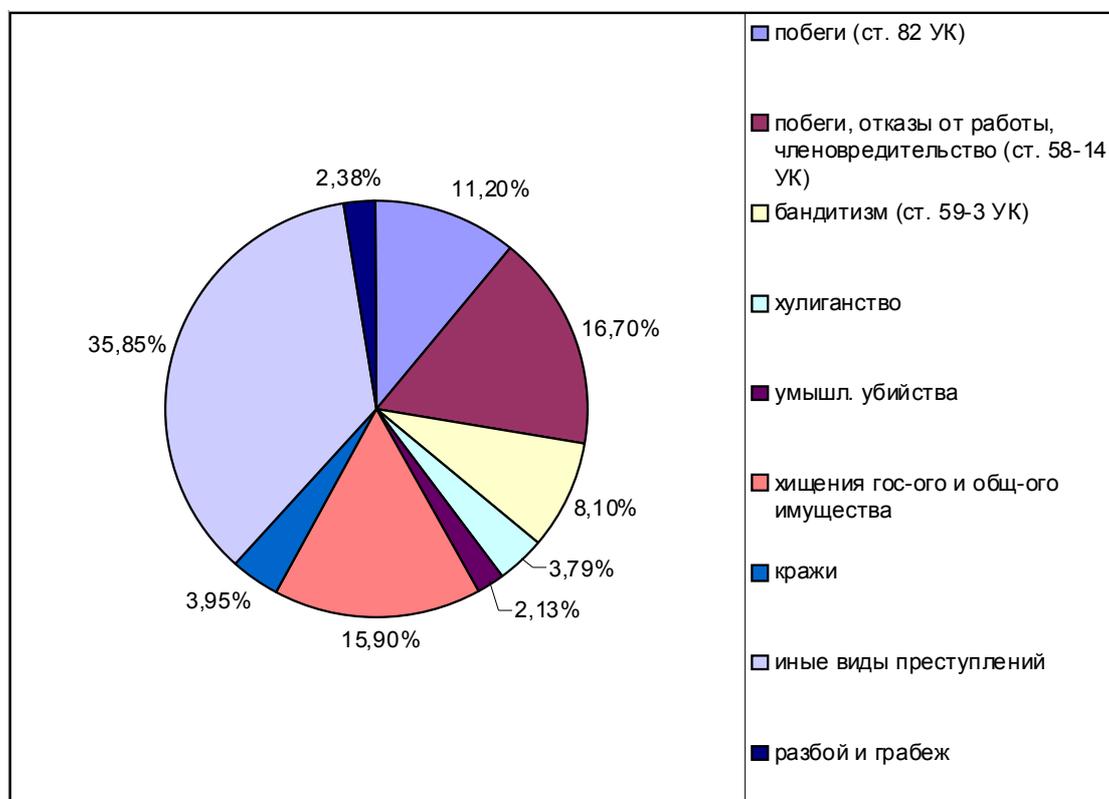

Рис. 2. Виды уголовных дел, рассмотренных лагсудами в 1946–1956 гг. [6, л. 7]

Fig. 2. Types of criminal cases considered by the penitentiary courts in 1946–1956

менена со ст. 58-14 на обычные (не контрреволюционные) статьи УК РСФСР.

Судьи не имели четких указаний о реализации судебной политики по этим видам преступлений. В результате доля отмененных приговоров по этим делам была высока. Так, в IV квартале 1948 г. без изменений СКДЛС оставила лишь 62,1 % таких приговоров. СКДЛС в начале 1949 г. констатировала, что ни лагерные суды, ни сама Коллегия до настоящего времени не имеют определенной ориентировки в части квалификации побегов из лагерей.

Несмотря на ряд указаний, появившихся в начале 1950-х гг., ситуация изменялась медленно. По итогам 1952 г. СКДЛС констатировала, что многие лагерные суды неправильно квалифицируют побег по ст. 58-14 УК РСФСР при отсутствии условий, указанных в этом постановлении. Суды осуждали по этой статье даже в случае отсутствияотягчающих обстоятельств. К ним относились: побег группой, с применением насилия, путем подкопа или лицом, осужденным за контрреволюционное преступление, бандитизм, хищение государственного и общественного имущества в особо крупных размерах, разбой, умышленное убийство.

По этим делам суды допускали большое количество нарушений. Например, по делу Павлова были нарушены: ст. 271 УПК РСФСР (не решен вопрос о возможности слушания дела в отсутствие не явившихся свидетелей), ст. 242 УПК РСФСР (дело рассмотрено в срок свыше месяца). «В протоколе судебного заседания было записано: “Суд, заслушав мнение прокурора и адвоката о возможности слушания дела без не явившихся свидетелей, определил судебное следствие начать без не явившихся свидетелей”. Между тем прокурор и адвокат в суд не вызывались и в судебном заседании не участвовали. Весь протокол судебного заседания по делу Павлова составлен наспех, с недопустимыми сокращениями и грамматическими ошибками» [13, л. 55, 58–59].

Суды были полными хозяевами положения. Так, лагерный суд ИТЛК МВД Грузинской ССР осудил в первой половине 1950 г. Дolidze и Авалиани за побег из лагеря и грабеж, первого к 20 годам и второго к 15 годам заключения в ИТЛ. На суде подсудимые от-

казались от дачи показаний. В связи с этим лагерный суд лишил их права на защиту, а назначенных по делу адвокатов освободил от участия в процессе.

Практика судопроизводства по делам об отказах от работы и членовредительстве была примерно аналогичной.

Доля осужденных по делам о побегах, квалифицированных по ст. 82 УК РСФСР, в 1946–1956 гг. составляла 11,2% (22 526 чел.) [6, л. 7]. В 1946–1950 гг. число осужденных по этой статье УК было достаточно стабильным и находилось в пределах от 2 045 до 2 841 человек. В 1951–1953 гг. наблюдается резкий спад – с 1 488 до 539 человек. В 1954–1956 гг. – вновь произошел рост (с 1 938 до 2 891 чел.). В сталинский период стабильно по данной статье наказывали за побег несовершеннолетних и военнопленных.

Достаточно высокий и стабильный состав осужденных в 1946–1950 гг. объясняется постепенной переквалификацией побегов со ст. 58-14 УК на ст. 82 УК. Резкое снижение осужденных по этой статье в 1952 и 1953 гг. может быть объяснено отсутствием организации кампании и амнистией. Это подтверждается дальнейшим ростом осужденных по данной статье в 1954–1956 годах.

Отмечу, что по этой статье осуждали не только за побег, но и за попытку побега. Так, в январе 1950 г. лагерный суд ИТЛК УМВД Ростовской области приговорил к 25 годам лишения свободы в ИТЛ 9 чел. заключенных за попытку побега.

В начале 1950-х гг. практика по рассмотрению подобных дел смягчается. В пример можно привести дело Замятина, осужденного за побег из лагеря. «Осуждение было признано неправильным, так как Замятин, совершив побег, находясь вне лагеря, занимался общественно-полезным трудом, служил в Советской Армии и к моменту рассмотрения дела не был общественно-опасным» [12, л. 8].

Доля осужденных за бандитизм (ст. 59-3 УК РСФСР) в 1946–1956 гг. составляла 8,1 % (16 359 чел.). Количество таких осужденных непрерывно росло с 853 чел. в 1946 г. до 2 812 в 1952 году. В дальнейшем наблюдается резкое снижение с 1 497 чел. в 1953 г. до 268 чел. в 1956 г. [6, л. 63].

Наказания за этот вид преступлений были жесткими. В 1946 г. 17,2 %, а в 1955 г. 19,6 % осужденных были приговорены к смертной казни. В период с 1948 по 1953 г. смертная казнь к данной категории не применялась. Положение было исправлено секретным Указом ПВС СССР от 19.01.1953 г. «О мерах по усилению борьбы с особо злостными проявлениями бандитизма среди заключенных в исправительно-трудовых лагерях».

Редко ст. 59-3 УК подвергалась расширительному толкованию судей и применялась за неповиновение лагерной администрации, хулиганство, нанесение телесных повреждений.

Основной причиной бандитизма в местах заключения, по мнению Министерства юстиции (далее – МЮ), являлась конкуренция между различными легально существующими в лагерях группировками («воры в законе», «отошедшие от воров», «беспредельщики»). Так, действовавшая в 1953–1954 гг. в Чаун-Чукотском лагере бандитская группировка «воров в законе» имела на вооружении обрезы, винтовки с боевыми патронами, ножи, пики, самодельные гранаты и контролировала ближайший к лагерю поселок. Заключенные имели возможность употреблять спиртные напитки и наркотики.

Категория *дел о разбое и грабеже* была немногочисленной. Число осужденных за эти виды преступлений в 1946–1956 гг. составляло 4 793 чел., или 2,38 %. Прослеживается две основные кампании по борьбе с этими преступлениями – 1948 и 1950 гг. (осуждено свыше 700 чел. в год). С 1953 г. количество осужденных по этим делам существенно сокращается. Основной мерой наказания для осужденных являлось лишение свободы на срок свыше 10 лет.

Количество *дел о хулиганстве* в местах заключения также было небольшим. Всего в 1946–1956 гг. было осуждено 7 621 чел., или 3,79 %. Представляется возможным выделить две основные кампании по борьбе с ними – в 1950 г. (1 247 осужденных) и 1952 г. (1 195 осужденных). В остальные годы количество осужденных колебалось от 328 до 728 человек. Основным видом наказания являлось лишение свободы на срок ниже 5 лет (свыше 60 % всех осужденных).

Число осужденных *по делам об умышленных убийствах* не было высоким. Их доля за 1946–1956 гг. составляла 2,13 % (4 294 чел.). Кампания по борьбе с этим видом преступлений пришла на 1948–1951 гг. (максимум осужденных – 1950 г. – 621 чел.). В остальные годы число осужденных составляло от 144 чел. в 1946 г. до 398 чел. в 1955/1956 году.

С 1954 г. за данный вид преступления стала применяться в виде наказания смертная казнь. Причем в 1955 г. к ней были приговорены 28,1 % осужденных. Основная же их масса приговаривалась к лишению свободы на срок 10 лет.

По делам о хищениях государственного и общественного имущества в 1946–1956 гг. было осуждено 15,9 % от общего числа осужденных лагерными судами (32 078 чел.). Дела о хищениях до 4 июня 1947 г. лагсуды квалифицировали по ст. 162 (тайное похищение чужого имущества (кража)). В 1946 г. доля таких дел составляла 8,4 %. Также до 1947 г. лагсуды квалифицировали крупные хищения государственного имущества по Закону от 07.08.1932 г. В 1946 г. эта группа дел составляла всего 0,64 %.

Среди примеров таких дел можно привести следующий. Лагерный суд Восточно-Уральского ИТЛ МВД СССР рассмотрел дело по обвинению Опарина, который, работая по переборке картофеля на овощехранилище, взял три картошки, пошел в барак и на вахте был задержан и осужден на 1 год лишения свободы [1, л. 48].

Ярко выраженный характер кампанийского правосудия имели дела по указу от 4 июня 1947 г. «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества». Пик кампании пришелся на 1947 и 1948 гг. (осуждено соответственно 6 617 и 6 663 чел.). В дальнейшем наблюдалось систематическое снижение числа осужденных по этим видам преступлений: с 4 768 чел. в 1949 г. до 773 чел. в 1956 году. Для этого вида преступлений массовым было применение наказания в виде лишения свободы на срок 10 и более лет. В рамках данного указа лагерные суды активно привлекали вольнонаемный состав лагерей за промотание (растрату) вещевого довольствия.

Судебные процессы по делам о хищениях, как правило, организовывались пенитенци-

арными судами непосредственно в лагерных подразделениях по месту совершения преступления (64 % дел в 1948 г.). С участием сторон (прокуратуры и защиты) в 1948 г. было рассмотрено 32 % дел.

Верховный Суд СССР в 1948 г. оставил в силе лишь 71,8 % приговоров по этим делам. Качество следствия по ним признавалось неудовлетворительным. Имело место достаточно широкое неосновательное привлечение к уголовной ответственности. Так, лагерным судом «А3» неосновательно был осужден по ст. 1 Указа Кириллов, признанный виновным в хищении 43 тонн прессованного сена. Кириллов имел разрешение на вывоз сена рассыпного, и, взяв сено прессованное, допустил самоуправство. Приговор лагерного суда был отменен с прекращением дела производством [12, л. 26].

Существенным недостатком в работе лагерных судов являлся слабый контроль за взысканием сумм по возмещению материального ущерба, нанесенного государству в результате хищений государственного имущества. Так, в 1948 г. по разным оценкам было взыскано 3,4–5,7 % сумм, присужденных лагерными судами к взысканию [10, л. 43].

Доля осужденных за кражу личного имущества граждан была незначительной и составляла 3,95 % (7 946 чел.). Динамика распределения осужденных по указу от 4 июня 1947 г. «Об усилении охраны личной собственности граждан» аналогична указу «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества». Также наблюдается два основных пика – 1947 и 1948 гг. (1 313 и 1 649 осужденных) и последующее падение с 1 075 в 1949 г. до 455 в 1956 году. Преобладающим наказанием для данной категории осужденных являлось лишение свободы на срок от 6 до 9 лет.

Среди дел, которые рассматривали лагерные суды, были *дела о преступлениях сотрудников ВОХР* (до звания младшего лейтенанта). Количество этих дел неуклонно снижалось. Так, если в 1946 г. за совершение всех преступлений лицами военизированной охраны и вольнонаемного состава лагерей было осуждено 8 040 чел. (100 %), то за 9 месяцев 1955 г. – 664 чел. (9,4 %).

Среди них в 1946 г. преобладали следующие: нарушение устава конвойной службы и режима содержания заключенных (ст. 193-15, 193-16 УК РСФСР) – 40,6 %; должностные преступления (193-17 УК РСФСР) – 11,6 %; дезертирство (ст. 193-7 «г» УК РСФСР) – 10,2 %; самовольные отлучки (193-7 «а», «б») – 4,1 %; кражи – 9,9 %, промотание казенного обмундирования – 2,7 %; умышленное убийство – 1,5 %; неявка в срок на службу – 1,4 %; уклонение от несения обязанностей военной службы – 1,1 %; контрреволюционная агитация – 0,6 %; бандитизм – 0,3 %; нанесение тяжких телесных повреждений – 0,4 %.

Среди причин преступности назывались – прием на службу лиц политически неблагонадежных (спецпоселенцев, бывших военнопленных), ранее судимых, лиц старшего возраста, имеющих физические недостатки, незнание устава, неумение обращаться с оружием, пьянство. Основным видом наказания по этим преступлениям было лишение свободы на срок до 3 лет. Такая карательная практика оценивалась как недостаточно жесткая.

Продолжало существовать и такое явление, как *самоохрана*, когда ввиду нехватки сотрудников ВОХР к охране заключенных привлекали самих заключенных. По данным прокуратуры недокомплект работников охраны МВД в 1952 г. составлял свыше 4 000 человек. Поэтому, например, в Сахалинском ИТЛ МВД *самоохрана* составляла до 80 % к личному составу военизированной охраны. Нередко самоохранников за преступления лагерные суды привлекали к ответственности по статьям о воинских преступлениях [8, л. 51].

Отмечу, что суды при рассмотрении этих дел не шли на открытые столкновения с лагерной администрацией, снижали меры наказания, назначая по возможности их условно, не выносили частных определений об устранении недостатков и т. п. В начале 1950-х гг. количество привлеченных к ответственности сотрудников ВОХР резко сокращается – до нескольких сотен человек в год. Этот факт явно говорит о полном контроле за рассмотрением подобных дел со стороны лагерной администрации.

Также эти суды рассматривали *дела о контрреволюционных преступлениях* (в основном о контрреволюционной агитации –

ст. 58-10 УК РСФСР). В 1946 г. по ст. 58-10 УК в лагерные суды поступило 1 065 таких дел (5,3 % от всего количества). По другим статьям о контрреволюционных преступлениях поступило 96 дел (0,5 %). При изучении дел о контрреволюционной агитации в 1946 г. было установлено, что 77,1 % осужденных уже отбывали наказание за контрреволюционные преступления [7, л. 61 об.].

Среди примеров по этим делам можно привести следующие. Так, в 1950 г. лагерный суд ИТЛ «Н» МВД СССР осудил заключенного Петелина за антисоветскую агитацию и систематические отказы от работы к 2 годам лишения свободы, даже не обсудив вопроса о поражении Петелина в правах. СКДЛС данный приговор был отменен за мягкостью [11, л. 39]. Среди подсудимых лагерных судов нередко встречались «политические рецидивисты». Так, заключенная Сибирского ИТЛ М. Карпова осуждалась по ст. 58-10 целых 7 раз, заключенный В. Туров – 6 раз [3, с. 293].

Следует отметить, что лагерные суды принимали к своему производству дела, им не подсудные, например, по ст. 58-1-а-б, совершенные не в лагерях НКВД.

Рассматривали лагерные суды и *дела о трудовых преступлениях* (указы ПВС СССР от 26.06.1940 г. и 26.12.1941 г.). В 1946 г. доля этих дел составляла 19,6 % от всего количества дел. В 1947 г. произошло резкое их сокращение до 8,5 %. В 1948 г. сокращение продолжалось (поступило на 1 817 дел меньше, чем в 1947 г.). Среди примеров можно привести следующий: «Лагерный суд, где председателем т. Вавилов, осудил Юманова – по ч. 2 ст. 5 Указа от 26.06.1940 г. за то, что он после обеда вышел на работу в нетрезвом состоянии. Осуждение признано Верховным Судом СССР необоснованным, так как Юманов от работы не отказывался и работал до конца рабочего дня» [12, л. 8].

Рассматривали лагсуды и *дела о прогулах*. По ним также имело место неосновательное осуждение. Некоторые судьи не добивались выяснения всех обстоятельств. Лагерный суд ИТЛ «Ч» 3.2. 1951 г. осудил гражданина Яблочкина за прогул по ч. 2 ст. 15 Указа от 26.06.1940 г. к 5 месяцам ИТР с удержанием 20 % из зарплаты. По кассационной жалобе осужденного Верховный Суд СССР определи-

ем от 27 марта 1951 г. приговор отменил с прекращением дела производством за отсутствием состава преступления [12, л. 29].

Лагсуды допускали ошибки при рассмотрении *дел о самовольном оставлении работы* рабочими и служащими колоний и лагерей. В 1951 г. дела о самовольном уходе (указы от 26.06.1940 г. и от 14.07.1951 г.) составляли 3 % (517 дел), в первой половине 1952 г. – 3,7 % (254 дела). Дела о прогулах (указы от 26.06.1940 г. и от 14.07.1951 г.) составляли в 1951 г. – 7,6 % (1 285 дел), в первой половине 1952 г. их поступление существенно сократилось – до 2,6 % (184 дела) [2, л. 53–54].

Особняком среди дел, рассматриваемых лагсудами, стояли *дела о досрочном освобождении заключенных*, заболевших душевной болезнью или тяжелым неизлечимым недугом. Их лагерные суды рассматривали на основании так называемой «директивы четырех» – совместный Приказ Министра внутренних дел СССР, Министра Государственной безопасности СССР, Министра юстиции СССР и Генерального прокурора СССР № 00829/000360/0049/193сс от 16.09.1946 года.

Особенность заключается в том, что дела данной категории стали поступать в лагсуды до издания «директивы четырех». К сентябрю 1946 г. в лагсудах на рассмотрении уже находилось 3 087 этих дел. Всего за 1946–1950 гг. было рассмотрено 140 000 дел и освобождено 130 000 чел. [4, с. 42]. По итогам обобщения практики рассмотрения этих дел стало ясно, что их основная масса рассматривается заочно, пачками [10, л. 6].

Результаты. Итак, представляется возможным выделить три основных периода в существовании органов лагерной юстиции:

- 1) 1945–1947 гг. – этап роста, расширения компетенции, увеличения их количества и осужденных лагерными судами;
- 2) 1948–1950 гг. – этап стабилизации и их устойчивого развития;
- 3) 1951–1954/1956 гг. – этап сужения компетенции пенитенциарных судов, уменьшения их количества и числа рассматриваемых ими дел и их ликвидация.

Основную массу дел, ими рассматриваемых, составляли: дела о побеге, отказах от работы и членовредительстве, квалифицируемых по ст. 58-14 УК РСФСР (16,3 %), о хи-

щениях государственного и общественного имущества (15,9 %), побегах, квалифицируемых по ст. 82 УК (11,2 %), бандитизме (8,1 %), кражах личного имущества (3,95 %), о хулиганстве (3,79 %), разбое и грабеже (2,38 %), об умышленных убийствах (2,13 %). Эти дела составляли более 60 % от всех рассмотренных. Значительную категорию (около 40 %) образовали так называемые «прочие» преступления. К ним относились дела о контрреволюционных преступлениях (ст. 58-10), преступления сотрудников ВОХР (или воинские преступления), трудовые преступления и др. Среди осужденных лагерными судами наблюдается значительное сокращение доли сотрудников лагерей и систематическое увеличение доли заключенных.

Качество работы этих органов юстиции оценивалось как невысокое. Взыскание материального ущерба было незначительным. Формальные показатели деятельности лагерных судов были значительно ниже аналогичных показателей работы народных, областных, линейных судов и военных трибуналов.

В начале 1950-х гг. наблюдается улучшение основных показателей их деятельности. Это было во многом связано с обновлением кадрового состава в результате выборов специальных судов.

Органы лагерной юстиции находились в зависимости от руководства лагерей. Во многом с этим связано назначение наказаний ниже низшего предела (так называемых «мягких» или «либеральных») для сотрудников военизированной охраны.

Дела о досрочном освобождении заключенных, потерявших трудоспособность, составляли особую категорию дел, рассматриваемых органами лагерной юстиции. Их рассмотрение отличалось достаточно высокой скоростью, по сравнению с другими категориями дел. При этом допускалось «упрощенчество»: дела рассматривались пачками, заочно.

Модель деятельности органов пенитенциарной юстиции можно охарактеризовать как модель кампанейского правосудия. На это указывают 2 основных признака: регулирование выносимых санкций (периоды ужесточения и смягчения выносимых наказаний) и так называемый «статистический маятник» или «статистические качели» (периоды резкого увели-

чения и последующего резкого снижения количества осужденных). Так, представляется возможным выделить ряд уголовно-правовых кампаний: в 1947–1949 гг. – по борьбе с побегами (по ст. 58-14 УК), в 1948 и 1950 гг. – по борьбе с разбоями и грабежом и др.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Директивное письмо Министерства юстиции // Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). – Ф. 9492. – Оп. 1а. – Д. 490. – 98 л.
2. Доклад о состоянии работы лагерных судов // ГАРФ. – Ф. 9492. – Оп. 5. – Д. 145. – 97 л.
3. Иванова, Г. М. Лагерная юстиция в СССР. 1944–1954 / Г. М. Иванова // Труды Института российской истории. Вып. 5. – М.: Наука, 2005. – С. 287–308.
4. Кодинцев, А. Я. Лагерная юстиция в СССР / А. Я. Кодинцев // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. – 2008. – № 2. – С. 41–46.
5. Лагерные суды // ГАРФ. – Ф. 9492. – Оп. 6. – Д. 111. – 52 л.
6. Лагерные суды // ГАРФ. – Ф. 9492. – Оп. 6. – Д. 15. – 67 л.
7. Обзор о работе лагерных судов // ГАРФ. – Ф. 9492. – Оп. 5. – Д. 5. – 95 л.
8. Обобщение судебной практики УДЛС // ГАРФ. – Ф. 9492. – Оп. 5. – Д. 76. – 103 л.
9. Отчет о работе Верховного Суда СССР за период с октября 1948 г. по 1 июня 1949 г. // ГАРФ. – Ф. 9474. – Оп. 16. – Д. 338. – 407 л.
10. Председателям лагерных судов // Объединенный государственный архив Челябинской области (далее – ОГАЧО). – Ф. Р.-1410. – Оп. 4. – Д. 10. – 54 л.
11. Председателям лагерных судов // ОГАЧО. – Ф. Р.-1410. – Оп. 4. – Д. 13. – 67 л.
12. Председателям лагерных судов // ОГАЧО. – Ф. Р.-1410. – Оп. 4. – Д. 16. – 47 л.
13. Председателям лагерных судов // ОГАЧО. – Ф. Р.-1410. – Оп. 4. – Д. 19. – 64 л.
14. Соломон, П. Советская юстиция при Сталине / П. Соломон. – М.: РОССПЭН, 2008. – 463 с.
15. Berg, G. P. The Soviet system of Justice: figures and policy / G. P. Berg. – Dordrecht ; Boston ; Lancaster : Springer, 1985. – 372 p.
16. Conquest, G. Justice and the legal system in the USSR / G. Conquest. – N. Y. ; Washington : A.F. Praeger, 1968. – 152 p.
17. Gorlizky, Y. Delegalization in Russia: soviet comrades courts in retrospect / Y. Gorlizky // The American journal of comparative law. – 1998. – Vol. 46, № 3. – P. 403–425.

REFERENCES

1. Direktivnoe pis'mo Ministerstva justicii [Directive Letter of the Ministry of Justice]. *Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii (GARF)* [State Archive of the Russian Federation (SARF)], f. 9492, inv. 1a, d. 490. 98 l.
2. Doklad o sostojanii raboty lagernyh sudov [Status Report on the Work of Penitentiary Courts]. *GARF* [SARF], f. 9492, inv. 5, d. 145. 97 l.
3. Ivanova G.M. Lagernaja justicija v SSSR. 1944–1954 [Penitentiary Justice in the USSR. 1944–1954]. *Trudy Instituta rossijskoj istorii* [Proceedings of the Institute of Russian History]. Moscow, Nauka Publ., 2005, iss. 5, pp. 287–308.
4. Kodincev A.Ja. Lagernaja justicija v SSSR [Penitentiary Justice in the USSR]. *Ugolovno-ispolnitel'naja sistema: pravo, jekonomika, upravlenie* [Penal System: Law, Economics, Management], 2008, no. 2, pp. 41–46.
5. Lagernye sudy [Penitentiary Justice]. *GARF* [SARF], f. 9492, inv. 6, d. 111. 52 l.
6. Lagernye sudy [Penitentiary Justice]. *GARF* [SARF], f. 9492, inv. 6, d. 15. 67 l.
7. Obzor o rabote lagernyh sudov [Overview of the Work of Penitentiary Courts]. *GARF* [SARF], f. 9492, inv. 5, d. 5. 95 l.
8. Obobshhenie sudebnoj praktiki [Generalization of Judicial Practice]. *GARF* [SARF], f. 9492, inv. 5, d. 76. 103 l.
9. Otchet o rabote Verhovnogo Suda SSSR za period s oktjabrja 1948 g. po 1 ijunja 1949 g. [Report on the Work of the Supreme Court of the USSR for the Period from October 1948 to June 1, 1949]. *GARF* [SARF], f. 9474, inv. 16, d. 338. 407 l.
10. Predsedateljam lagernyh sudov [To the Chairmen of Penitentiary Courts]. *Obyedinennyj gosudarstvennyj arhiv Cheljabinskoy oblasti (OGACHO)* [United State Archive of Chelyabinsk Region (USACHR)], f. r.-1410, inv. 4, d. 10. 54 l.
11. Predsedateljam lagernyh sudov [To the Chairmen of Penitentiary Courts]. *OGACHO* [USACHR], f. r.-1410, inv. 4, d. 13. 67 l.
12. Predsedateljam lagernyh sudov [To the Chairmen of Penitentiary Courts]. *OGACHO* [USACHR], f. r.-1410, inv. 4, d. 16. 47 l.
13. Predsedateljam lagernyh sudov [To the Chairmen of Penitentiary Courts]. *OGACHO* [USACHR], f. r.-1410, inv. 4, d. 19. 64 l.
14. Solomon P. *Sovetskaja justicija pri Staline* [Soviet Justice Under Stalin]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2008. 463 p.
15. Berg G.P. *The Soviet System of Justice: Figures and Policy*. Dordrecht, Boston, Lancaster, Springer Publ., 1985. 372 p.
16. Conquest G. *Justice and the Legal System in the USSR*. New York, Washington, A.F. Praeger, 1968. 152 p.
17. Gorlizky Y. Delegalization in Russia: Soviet Comrades Courts in Retrospect. *The American Journal of Comparative Law*, 1998, vol. 46, no. 3, pp. 403–425.

Information About the Author

Denis N. Shkarevsky, Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Department of Theory and History of State and Law, Surgut State University, Prosp. Lenina, 1, 628403 Surgut, Russian Federation, shkarden@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0981-4791>

Информация об авторе

Денис Николаевич Шкаревский, кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права, Сургутский государственный университет, просп. Ленина 1, 628403 г. Сургут, Российская Федерация, shkarden@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0981-4791>